
УДК 81.161.09 «18»

ББК 83.3 (2=Рус)5

Ш 65

Шишхова Н.М.

*Кандидат исторических наук, доцент кафедры литературы и журналистики
Адыгейского государственного университета, e-mail: sessvetla@mail.ru*

**Политическая лирика Ф.И. Тютчева
как часть его мировоззренческой концепции
(Рецензирована)**

Аннотация:

Анализируется корреляция «Тютчев - поэт» и «Тютчев - политик» во взаимных связях и противоречиях. Рассматриваются политические статьи и лирика разного направления. В центре рассуждений – отражение в политической лирике поэтических иллюзий и социальных аллюзий Ф. Тютчева. Обосновывается тезис о взаимодействии этих двух тенденций в художественном пространстве поэта. Делается вывод о том, что анализ исторической реальности в творчестве Ф.И. Тютчева закономерно отражался и в публицистических статьях, и в политической лирике.

Ключевые слова:

Внешнеполитические стихотворения, пророческость историзма, рок, «мистика истории» и «поэзия истории», историческое предназначение, миф, тютчевская мечта, политическая лирика.

Shishkhova N.M.

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Literature and Journalism
Department, Adyge State University; e-mail: sessvetla@mail.ru*

F.I. Tyutchev's political lyrics as part of his world outlook conception

Abstract:

An analysis is made of correlation “Tyutchev as the poet” and “Tyutchev as the politician” in an interconnection and contradictions. Political articles and lyrics of the different directions are considered. In the center of reasoning is the reflection of poetic illusions and social hints of F. Tyutchev in political lyrics. The thesis is proved on interaction of these two tendencies in art space of the poet. It is inferred that the analysis of historical reality in F.I. Tyutchev's creativity is naturally reflected both in publicistic articles, and in political lyrics.

Keywords:

Foreign policy poems, historicism professional ethic, fate, “mysticism of history” and “history poetry”, historical mission, myth, Tyutchev's dream, political lyrics.

Великий русский поэт Ф.И. Тютчев был, пожалуй, единственным, в творчестве которого занимали заметное место

сюжеты, связанные с внешней политикой России. Два обстоятельства способствовали этому. Во-первых, двадцатилетняя

дипломатическая деятельность в Баварии и Сардинии и тридцатилетняя служба в российском Министерстве иностранных дел и комитете иностранной цензуры. И второе: поэт особенное внимание уделял проблемам международной роли России, ее месту в мировой истории, будущему русского народа и славянофильства в целом.

Внешнеполитические стихотворения Тютчева не привлекали серьезного внимания исследователей его творчества. Их, в основном, принято рассматривать как малохудожественные, написанные на «злобу дня» с «прикладными целями». Правнук поэта, литературовед К.В. Пигарев, например, обстоятельно проанализировав публицистические произведения, почти ничего не пишет о стихотворениях на политические темы [1]. Ученые всегда занимались вопросами славянофильства в творчестве Тютчева. Сегодня же все чаще говорят о назревшей необходимости квалифицированного изучения не только внешнеполитической концепции поэта, но и его «политической лирики».

Биограф Тютчева В.В. Кожин в своих исследованиях уделяет большое внимание политическим убеждениям, которые отразились и в творчестве поэта. В то же время в этих рассуждениях преобладает мысль о том, что стихотворения этого плана – своеобразные краткие публицистические статьи в списках и даже порой примыкают к газетным публикациям [2: 374-375]. Однако именно он подчеркивает и перспективы, открывающиеся для дальнейших исследований: «Словом, Тютчев и в своих политических статьях в определенном смысле оставался поэтом, и это надо учитывать» [3: 278].

Опыт, приобретенный Тютчевым за годы дипломатической службы и долгой жизни за рубежом, определенным образом преломился не только в его политическом сознании, но и в художественном творчестве. Поэт был стойким противником каких-либо заимствований с Запада, считая их чуждыми и непригодными

для России, потому что она выдвигала и защищала совершенно другие ценности, иные цели и идеалы, нежели просвещенная, цивилизованная Европа. В размышлениях В. Кожина важное место занимают воззрения Тютчева-человека, состоящего на государственной службе. Внимание исследователя обращено практически на все наследие поэта, выражающее в той или иной степени политические воззрения: стихотворения, письма, «Докладная записка Николаю I» (1843), статьи – «Россия и Германия» (1844), «Россия и революция» (1848), «Папство и Римский Вопрос» (1849 – 1850) – и незавершенный трактат «Россия и Запад» (1849).

Не случайно крупнейший исследователь наследия Тютчева последнего времени В.В. Кожин назвал свою книгу о нем – «Пророк в своем отечестве». Он особо выделяет пророческость историзма поэта, подчеркивая, что еще в 30-40-х годах он предсказал катастрофу в Крымской войне, неизбежность фашистской диктатуры в Германии, конфигурацию политических альянсов Европы на многие десятилетия вперед.

Начиная с 1844 (с первых политических статей, опубликованных в Германии), и вплоть до 1854 г. все высказывания Тютчева на политические темы, как опубликованные, так и оставшиеся в его рукописном наследии, как завершенные, так и в разной степени незавершенные, сохранившиеся в виде планов, набросков, фрагментов, могут рассматриваться как часть единого замысла. Этот замысел имеет название «Россия и Запад» и вошел в историографию как «незавершенный трактат». Эмпирические основания подобного утверждения даны В. Кожинным, который и рассматривает эволюцию политических идей Тютчева в рамках указанного единого замысла [2: 183 - 184].

В незаконченном трактате «Россия и Запад» (1850) очевидно, что все надежды Тютчева связаны с созданием славянской державы, основанной на братстве славянских народов и принципах право-

славия. Его славянские симпатии укрепились после знакомства с лидером чешского национально-освободительного движения Вацлавом Ганкой во время поездки Тютчева в Прагу. Он обращается к Ганке в стихотворении, в котором выражена надежда на объединение славянских народов. При этом поэт подчеркивал, что в славянскую семью должны войти не только православные, но и католические славяне:

*Рассветает над Варшавой,
Киев очи отворил.
И с Москвой золотоголовый
Вышеград заговорил.*

В. Кожинов придает особое значение последним строчкам названного стихотворения как воплощению идеала поэта:

*Наяву увидят внуки
То, что снилось отцам!*

И в 1869 году состоялось заседание Славянского комитета, посвященное 500-летию со дня рождения чешского проповедника-реформатора Яна Гуса, вдохновителя национального движения в Чехии против немецкого засилья и католической церкви. В русских славянофильских кругах, к которым в это время примыкал неофициально Тютчев, гуситство рассматривалось как протест славянской религиозной мысли против западноевропейской. В стихотворении «Чехам от московских славян», прочитанном на съезде, можно найти прямое осуждение поэтом покорности такому духовному игу:

*И долго ль, долго ль этот плен,
Из всех тяжчайших, плен духовный,
Еще сносить ты осужден, о чешский люд
единокровный?*

Стихотворение это было присоединено к золотой чаше, посланной Славянским комитетом в Прагу. Чаша символизировала единство народов под эгидой славянства.

В исследованиях В. Кожинова о Тютчеве сюжет, связанный с Польшей, занимает особую нишу. Он отмечает то, что поэт включил в славянскую семью поляков, и это было весьма знаменательно,

ибо славянофилы относились к Польше настороженно, если не враждебно. И дело было здесь не столько в религиозном различии: католики-чехи – В. Ганка, Ф. Палацкий, Ф. Ригер и другие – были тесно связаны с русскими представителями славянофильства. Следует отметить, что отношение Тютчева к Польше было неоднозначным. В отличие от Пушкина, рассматривавшего подавление польского восстания 1830 - 1831 гг. как триумф России, Тютчев видел в этом факте трагедию как польского, так и русского народов: «роковой удар» над «горестной Варшавой» был свершен ценой сохранения целостности России. Ведь только в единстве, полагал поэт, славяне могут прийти к светлому будущему. В стихотворении «На взятие Варшавы» (1831) Тютчев писал:

*Не за Коран самодержавья
Кровь русская лилась рекой.
Другая мысль другая вера
У русских билась в груди:
Грозой спасительной примера
Державы целость соблюсти,
Славян родные поколенья
Под знамя русское собрать
И весть на подвиг просвещенья
Единомысленных, как рать.*

Итак, Тютчев в 30-40-х гг. XIX в. считал Польшу закономерной составной частью будущей славянской державы, объединяющей всех славян. Более того, само создание этой державы он ставил в зависимость от улучшения русско-польских отношений. В одном из стихотворений, созданных в 1850 году, поэт писал:

*Тогда лишь в полном торжестве,
В славянской мировой громаде
Строй возделенный водворится,
Как с Русью Польша помирится.*

В период польского восстания 1863 – 1864 гг. тема Польши снова возникает в поэзии Тютчева. Его прежние надежды на примирение России и Польши были разбиты, теперь он видел в освободительной борьбе поляков лишь «геройский пыл, предательство и ложь, притон разбойни-

чий в доме молитвы, в одной руке распятие и нож», восставших же считал «мертвецами, воскресшими для новых похорон». Эти представления не отличались от мнения большинства лиц из правящих и общественных кругов. Либеральный военный министр Д.А. Милютин в своих воспоминаниях называл отряды польских повстанцев не иначе, как грабительскими и разбойничьими шайками [4: 278].

Особенно возмущала Тютчева позиция Европы, ставшей на сторону поляков и требовавшей от России прекращения репрессий в отношении повстанцев, введения в Польшу конституции 1815 г., предоставлявшей ей автономию, созыва европейской конференции по польскому вопросу. Россия оказалась на грани войны с европейской коалицией. Обращаясь к России, поэт писал:

*О край родной! Такого ополченья
Мир не видал с первоначальных дней...
Велико, знать, о Русь, твое значенье!
Мужайся, стой, крепись и одолей! (август 1863 г.)*

Тютчев болезненно воспринимал тот факт, что польское восстание покончило с его мечтой о единении всего славянского мира. Кроме того, отторжение Польши нарушило целостность России, что являлось в его глазах величайшим злом. Отсюда – различная позиция по отношению к славянским народам: поддержка освободительной борьбы австрийских и турецких славян и неприятие освобождения Польши.

Одним из самых удивительных рассуждений Кожина о соотношении поэзии и политики является его замечание об отражении в художественном творчестве и публицистике идеи Рока. Он цитирует из известной записки Гете «Беседа с Наполеоном» следующие слова: «Неодобрительно отозвался он и о драме рока. Они – знамение темных времен, что такое рок в наши дни? – добавил он. – Рок – это политика» [5: 278].

К данной цитате автор дает весь

ма красноречивый комментарий: «Тютчев, надо думать, согласился бы с этим высоким представлением о политике. Но он был поэтом на все времена, и для него не была «устаревшей» трагическая идея рока, которая запечатлелась с такой мощью в его стихотворении «Два голоса», созданном, кстати сказать, одновременно с одной из важнейших тютчевских статей – «Папство и римский вопрос с русской точки зрения» (1850), где также шла речь о «роковых» противоречиях истории [5: 278].

Тютчев обосновывает в этой статье, почему так называемый «римский вопрос» занимает особое место в довольно бурных событиях европейской политики середины XIX в. И называет как одну из основополагающих причин ту, что здесь отражается часто скрытое противоречие всей западноевропейской цивилизации, которое ведет к саморазрушению. Данное противоречие фундаментально, по мнению Тютчева, и косвенно свидетельствует о «той неумолимой логике, которая как скрытое правосудие вложена Богом в события мира». Здесь речь идет о непостижимой в принципе воле Провидения, связанной с судьбами всего человечества и всего мира. Да, Тютчев убежден в том, что эта воля не может быть до конца постигнута человеческим разумом в ее мистической глубине. Но она может быть почувствована человеком в особого рода интуиции, которую поэт называет то «мистикой истории», то «поэзией истории». На основе подобной интуиции возможны вполне осмысленные, и притом весьма нестандартные, интерпретации мировых событий. Он закладывает тот аксиологический фундамент, на котором строится весь концептуальный каркас его рассуждений. «Нет, – делает вывод Тютчев, – не таков этот (римский – авт.) вопрос, как другие: не только ко всему, что есть на Западе, прикосновенен он, но, можно сказать, он даже переступает его пределы» [6: 8].

Отсюда понятно, почему сама по себе эмпирическая канва событий не

очень волнует русского мыслителя. Восшествие на римскую кафедру папы Пия IX, либеральные преобразования в Риме, влияние февральской революции и последующих событий во Франции на создание и скорую гибель Римской республики и бегство из Вечного города и возвращение в него Пия IX на фоне весьма сложной политической ситуации в Италии – все это рассматривается как более или менее хаотическое выражение глубинного смысла.

При этом Тютчев идет на весьма интересную гносеологическую рефлексию. Он фиксирует парадокс «очевидной неочевидности». С одной стороны, вся сложная борьба экономических, политических интересов сословий, партий, государств, личностей, объединенная общим названием «римский вопрос», откровенно свидетельствует о глубинном смысле этого вопроса (вплоть до явных символических совпадений), а с другой – «как ни сильно озабочены умы этим вопросом, позволительно усомниться, чтобы вся полнота его содержания была в точности и отчетливо раскрыта сознанию».

Почему так? Тютчев находит тому несколько причин. И в их числе непостижимость Провидения, невозможность для большинства участников событий понимать смысл. Истинным субъектом исторического процесса, по Тютчеву, выступает Бог как до конца никем не постижимая сила Провидения, имеющая, однако, свою историческую закономерность. Реальная историческая жизнь человечества, политические процессы, происходящие в ней, обладают относительной самостоятельностью, что особенно заметно в мирные, бескризисные периоды развития. Основываясь на православной вере и исторической интуиции, человек способен отчасти угадать волю Провидения и выстроить на этой основе анализ исторической политической реальности, что особенно актуально в периоды кризиса цивилизаций, революций и войн.

Закономерно, что в стихотворении

Тютчева «Два голоса», написанном в тот же период, выстраивается трехчленный мир: боги - люди - Рок:

*Пускай Олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто, ратуя, пал, побежденный лишь Роком,
Тот вырвал из рук их победный венец.*

В своем анализе этого стихотворения Ю.М. Лотман показывает, как каждый элемент текста первого голоса отражается в соответствующем элементе второго. По словам исследователя, Тютчев выстраивает два трехчленных мира: космос - человек - история (светила - други - могилы) и второй: свобода - борьба - причинность (боги - люди - Рок). Общеизвестны знаменитые слова А. Блока об этом стихотворении, который отметил в нем «эллинское, дохристосово чувство Рока, трагическое».

Трагическое отношение к истории как суетному и призрачному занятию людей, часто бессмысленному, свойственное Тютчеву, амбивалентно. И в этом стихотворении зависть олимпийцев к «непреклонным сердцам», побежденным лишь Роком», вполне закономерна. Историческая деятельность часто призрачна, «безнадежна», но бессмертна в своем соперничестве с Роком.

Ю.М. Лотман в статье «Тютчев и Данте. К постановке проблемы» вписывает в историко-политический миф об идеальной империи и ее главе Императоре сонет поэта «Уж третий год беснуются языки...». Он так же написан в 1850 г., как и «Папство и римский вопрос», и является поэтическим переложением содержания манифеста Николая I по поводу выступления русских войск против европейских революций в 1848 году. Именно России и Николаю I предназначал реальное воплощение своего мифа Тютчев. Он мистически верил в то, что в 1853 году, ровно через 400 лет после падения Византии под ударами османов, ей суждено возродиться в образе великой православной державы. По его твердому убеждению,

это было решено самим Провидением. В стихотворении «Рассвет» (1849) он призывает Русь: «Пора ... ударить в колокол в Царьграде...». Эта же идея проводится в стихотворении «Пророчество» (1850), где выражена надежда на то, что древние своды Софии «вновь осенят Христов алтарь». Последние строки этого стихотворения – «Пади пред ним, о царь России, и встань как всеславянский царь» - так рассердили Николая I, что он запретил их печатать. Царь совсем не хотел прослыть покровителем славянства.

М.Ю. Лотман демонстрирует в своем эссе близость дантовского мифа об империи, противостоящей папству, тютчевской мечте. Он пишет о том, что историческое предназначение России поэт видел глазами «романтика», возводящего современность до степени мифа [7: 598], и заканчивает свои рассуждения следующими словами: «Политическая иллюзия Тютчева наложила отпечаток на его политические сочинения этого периода» [7: 598].

До конца своих дней поэт живо ин-

тересовался внешней политикой. Его последнее стихотворение, написанное незадолго до смерти, было посвящено наступлению русских войск в Средней Азии в 1873 году – Хивинскому походу.

Сегодняшний активный интерес к политической лирике Ф.И. Тютчева свидетельствует о неугасающей с веками актуальности проблем межкультурной коммуникации. Именно об этом свидетельствует цитата из статьи З.И. Беслангуровой, опубликованной в «Вестнике Адыгейского государственного университета»: «Едва ли не самое масштабное явление в области международных связей нового времени – интересное воздействие западноевропейского опыта на иные регионы (Восточная Европа и неевропейские страны и народы). Этот всемирно значимый культурный феномен, именуемый европеизацией, или вестернизацией, или модернизацией, истолковывается и оценивается по-разному, становясь предметом нескончаемых дискуссий и споров» [8: 160].

Примечания:

1. Пигарев К.В. Тютчев и проблемы высшей политики царской России // Литературное наследство. Т. 19-21. М., 1935. С. 180-181.
2. Кожин В. Вступительная статья: Незавершенный трактат «Россия и Запад» [Тютчева] // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1988. – С. 183-200.
3. Кожин В.В. Пророк в своем Отечестве (Ф И Тютчев и история России) // Электронная библиотека ModernLib.Ru URL: http://www.modernlib.ru/books/kozhinov_vadim_valeryanovich/prorok_v_svoem_otchestve_f_i_tyutchev_i_istoriya_rossii/read/
4. Милютин Д.А. Воспоминания 1863-1864. М.: Росспэн, 2003. 686 с.
5. Кожин В.В. Тютчев Ф.И. М.: Молодая гвардия, 1988. 496 с.
6. Тютчев Ф.И. Россия и Запад: Книга пророчеств. М.: Алгоритм, 1999. 574 с.
7. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии: Анализ поэт. текста. СПб.: Искусство-СПб, 1996. 846 с.
8. Беслангурова З.И. Англоязычная литература как фактор освоения международной корпоративной культуры в сфере деловой коммуникации // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2008. Вып. 1. С. 160-163.

References:

1. Pigarev K.V. Tyutchev and the problems of the highest policy of the tsarist Russia // Literaturnoe nasledie. V. 19-21. M., 1935. P. 180-181.
2. Kozhinov V. An introductory article: The unfinished treatise «Russia and the West» [by Tyutchev] // Literaturnoe nasledie. V. 97. Fyodor Ivanovich Tyutchev / The USSR Academy of Sciences. The institute of world literature of M. Gorky. – M.: Nauka, 1988. – P. 183-200.
3. Kozhinov V.V. The prophet in his own Fatherland (F.I. Tyutchev and the history of Russia) // Electronic library ModernLib.Ru. URL: http://www.modernlib.ru/books/kozhinov_vadim_valeryanovich/prorok_v_svoem_otechestve_f_i_tyutchev_i_istoriya_rossii/read/
4. Milyutin D.A. Memoirs of 1863-1864. M.: Rosspen, 2003. 686 pp.
5. Kozhinov V.V. Tyutchev F.I. M.: Mol. gvardiya, 1988. 496 pp.
6. Tyutchev F.I. Russia and the West: A book of prophecies. M.: Algorithm, 1999. 574 pp.
7. Lotman Yu.M. On poets and poetry: The analysis of the poet. text. SPb.: Iskusstvo-SPb., 1996. 846 pp.
8. Beslangurova Z.I. English literature as a factor of development of the international corporate culture in the sphere of business communication // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». 2008. Issue 1. P. 160-163.